

Андреева Наталья Сергеевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
и социально-гуманитарных наук
Государственного аграрного университета
Северного Зауралья

Лысов Сергей Иванович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии
Института филологии и журналистики
Тюменского государственного университета

ОБРАЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОБОБЩАЮЩЕГО ИНТЕЛЛЕКТА: АНТИЧНЫЙ ЭТАП РАЦИОНАЛИЗАЦИИ МЫСЛИ

Аннотация:

В статье рассматриваются некоторые актуальные принципы взаимодействия обобщающего мышления и образного восприятия, обнаруженные в античности, в обращении к архитектурному и скульптурному видам искусства. Применяется эстетико-антропологический методологический аппарат исследования и аргументации. Авторы приходят к выводу о привязанности интеллекта к образности, через аллегории обретающей не только буквальный, но и фигуральный, всеобщий смысл, о важности для смыслообразования как буквального, так и метафорического вхождения в образ.

Ключевые слова:

фигуративность, образ, метафора, аллегория, сущность человека, миф, архитектура, скульптура, эстетическая антропология.

Andreyeva Natalya Sergeevna

PhD, Assistant Professor,
Philosophy, Social Sciences
and Humanities Department,
State Agrarian University of
Northern Trans-Ural Region

Lysov Sergey Ivanovich

PhD, Assistant Professor,
Philosophy Department,
Institute of Philology and Journalism,
Tyumen State University

FIGURATIVE FOUNDATIONS OF GENERALIZING INTELLIGENCE: ANTIQUE PHASE OF THOUGHT RATIONALIZATION

Summary:

This article discusses several relevant principles of interaction between generalizing thinking and image sensitivity defined in antiquity while studying architectural and sculptural arts. The authors applied aesthetic and anthropological methods of conducting research and reasoning. They concluded that the intelligence is attached to imagery, which assumed not only literal but figurative, universal sense by means of allegory. Besides, the paper notes that both literal and metaphorical image transformations are important for creation of meaning.

Keywords:

figurativeness, image, metaphor, allegory, essence of human, myth, architecture, sculpture, aesthetic anthropology.

Проблематика искусства и красоты, художественного творчества, эстетического воздействия остается неизменно актуальной. В рационализации социальной и духовной жизни современности художественные и эстетические решения нуждаются в глубинном теоретико-философском антропологическом обосновании. На протяжении истории западноевропейской мысли Сократом и Аристотелем, И. Кантом и Ф.В.Й. Шеллингом, П. Флоренским, В.В. Зеньковским и А.Ф. Лосевым устанавливались взаимосвязь и взаимопричастность искусства и истины, художественной практики и практики человеческого социального и духовного самосовершенствования. Теоретизация антропогенного и антропомерного потенциала искусства и красоты набирает силу в современности.

Так, определенный интерес для нас представляет выраженный эстетико-антропологический аспект работы Яна Йосля (Прага) [1], являющей собой интерпретацию современной ситуации в искусстве в русле классической проблематики взаимосвязанности искусства и философии, искусства и истины. Автор, в противовес тезису о метафизическом и эмпирическом «конце искусства», приводит феноменологическую концепцию Яна Паточки, согласно которой «искусство представляет собой независимое поле явленности бытия в истории наряду с философией» [2, с. 232]. Современное искусство, согласно Я. Йослю, «занимает присущее ему место в истории искусства, основываясь на алетей» [3] и сосредоточиваясь, скорее, на самой явленности, чем на том, что именно является. В целом теоретический интерес к смыслогенерирующей способности искусства, к его онтолого-антропологической укорененности, к художественному образу как «способу явленности бытия» представлен во множестве современных исследований.

Спецификой нашей работы является эстетико-антропологическая направленность. Авторы обращаются к методам эстетико-антропологического исследования генезиса человеческой сущности, а именно к теоретико-методологическому и категориальному инструментарию школы эстетической антропологии (Тюмень). Как теоретико-философское направление, представленное главным образом в работах М.Н. Щербинина (2001–2016), эстетическая антропология призвана

исследовать основные исторические ступени интеллектогенеза человечества в их взаимосвязи с художественным опытом.

Развитие интеллектуальной способности к обобщению фокусируется в точках пространственной и временной совместимости искусства и философии, которые в социокультурном плане можно обозначить как специфически выраженные этапы смыслогенеза в европейской истории. В связи с этим представляют теоретический интерес *предрациональные* способы освоения действительности и самопознания, которые обуславливают и человеческую творческую способность, и восприятие произведений искусства, и, наконец, саму рациональность в ее истории и перспективе.

Одним из исходных положений для нас является взаимная обусловленность процессов самопознания и сущностного развития-становления человека в антропосоциогенезе. В эстетико-антропологическом плане эти процессы представлены во взаимосвязанных категориях общения и обобщения: общение расширяется в истории человеческой культуры, преодолевая границы племени, рода, государства. Обобщение, развиваясь и совершенствуясь, рождает все новые процедуры самопознания, призванные найти общечеловеческие эталоны или идеалы, воплощающие истину человечества.

Историко-философский процесс, представляющий собой формирование и развитие ступеней интеллектуального обобщения, включает в себя как теорию, так и художественную практику, или, в эстетико-антропологических категориях, практику расширяющихся средствами искусства и философии общения и обобщения. При исторически количественно и качественно расширяющемся общении обобщение рационализируется, преодолевая границы между Мифом и Логосом, образом и смыслом, замыслом и действием.

Категории фигуры (как ограниченного со всех сторон пространства) и фигуративности представляют теоретико-методологический принцип, восходящий к области непосредственного, художественного, области искусства и красоты. Данный принцип включает в себе саму процедуру рационализации скрытого, «слепого» результата общения и взаимодействия людей в социальном и культурном пространстве. Фигуры и их непосредственно-образный материал выполняли в истории функцию визуализации оптимальных социальных форм организации социального пространства и действия.

Через архитектурно узаконенную *красоту*, ценностную доминанту у греков, интеллект начинает свое движение к истине. В строителе пирамид, храмов потенциал расширения общения являлся и потенциалом развития обобщающей способности интеллекта. Монументальная архитектура (как практика собирания материала, усилий, смыслов, со-мыслия) выразила собирательную силу общения. В древнем архитектурном и скульптурном искусстве впервые ярко проявился подсознательный тип опредмечивания идеи (идеи свершения, совершенствования) в символическом или образном варианте, подготовив определенный шаг интеллектогенеза, мысль о необходимости созидать совершенство.

Таким образом, красота рождается в параметрах пропорции и симметрии. Числовые основания смыслообразования ранней античной эпохи, такие как мера, пропорция и симметрия, нашли свое материальное и качественное воплощение, объективацию и развитие в *скульптуре*. Симметрия архитектуры будет впоследствии переведена в человеческий образ, красота воплощалась и гармонизировалась в особой пропорциональности статуи. Как отмечает М.Н. Щербинин, «для материального опредмечивания нового опыта мысли потребовалось скульптурное изображение» [4, с. 17–18]. Для рождения самосознания в новой, человекоориентированной форме необходима была встреча человека со своим образом – каменной или мраморной фигурой, которая, впрочем, исторически ограничивала набор антропологических констант. «Человеческое в античности есть телесно человеческое, но отнюдь не личностно человеческое» [5, с. 26], – полагает А.Ф. Лосев, говоря об отсутствии опыта личности как факта античной жизни. Статуя Дискобола выражает «только ритм и симметрию человеческого тела, только гармонию составляющих его тяжестей, без всякого ясного ухода в глубины человеческого субъекта и без всякого воспарения к сверхчувственным высотам...» [6, с. 33]. Скульптурные композиции, обеспечивая эмоциональный и познавательный эффект эстетического воздействия, явились воплощением нового способа смыслообразования античной эпохи. Вместе с тем опредмечивание воплощенного всеобщего и существенного еще не представляет здесь выразительности субъективно-индивидуальной.

С передачей функции смыслообразующего лидера статуарному искусству опредмечивание опыта растущего межличностного общения приобретает характер *собирания качественных характеристик*. Эти человеческие существенные характеристики, обобщаемые в виде философем, «представлены здесь не прямо в мыслительной форме, а только опосредованно... <...> Однако степень родства энергии искусства и смыслообразующей информации постепенно нарастает» [7, с. 19]. Тело, скульптурно представленное в идеальном совершенстве, явилось онтологическим обобщением качественных характеристик и начал человеческой сущности, обусловившим переход сознания к предельно обобщающим философским построениям о мире, космосе, человеческом идеале справедливости.

Определенное первенство в таком обобщении принадлежит Сократу. А.Ф. Лосев «вручает пальму первенства» Сократу в попытке обобщить смысл прекрасного, благого, справедливого, определить прекрасное как сущность предметов, как миметическое подражание в искусстве, как созерцательную ценность, как благо или целесообразность, характеризующие общечеловеческие качества в целом.

Интересен факт недоверия Сократа к мудрости софистов, к противоречивости их мнений, не приводящей к общечеловеческой истине космополитического масштаба, характерного для самовосприятия греков. Диоген Лаэртский свидетельствует: «Посмотрев, как Евклид наострил в словопрениях, он (Сократ) сказал ему: “С софистами, Евклид, ты сумеешь обойтись, а вот с людьми – навряд ли”» [8, с. 68]. Действительно, софистика «играет» на внешнем сходстве, не вникая в сущность вещей. «Перераспределяя» готовые сентенции, она не обогащает знание общего. Хитроумие софистов оказывается эвристически непродуктивным.

Стремясь выявить предельные основания социальных установлений, Сократ делает попытку определить природу истины, красоты и блага, их неизменное содержание, когда совокупность прекрасных объектов или добродетельных актов не исчерпывает красоту как таковую или суть добра. Таким образом, Сократ («Гиппий больший») пытается определить прекрасное как сущность, общую для всех частных случаев ее проявлений или обнаружений, подчеркивая мысль о единстве и о родовой общности всех частных видов прекрасного [9, с. 78]. По мысли А.Ф. Лосева, Сократ «не только впервые открывает пестроту жизненных переживаний, но... старается все единичное обязательно возвести при помощи рассудка во всеобщее и тем самым уже перейти от пестрой смены жизненных переживаний к их обобщенной проблематике» [10, с. 93]. В этой «примитивной эстетической установке», которой тем не менее не было до Сократа, «мы видим, как человеческий гений впервые начинает чувствовать самостоятельность разумного, идеального... и как в этом идеальном оказывается своя жизненность и судьба...» [11]. Однако учение Сократа о красоте как факте сознания и вещественного мира [12] узкорационалистическим не является. Переход мысли от смыслообразности к рациональности имеет собственное основание.

Мир философемы, образованный вопросами «почему», «зачем», нитью Ариадны связал античный ум с глубинами подсознания: из самой ментальной специфики и героики античного мифа, из его буквализма и конкретики пробивается философема, поскольку пробивается *аллегория* в качестве фигуры самопознания. Философема предполагает абстрагирование и обязательный уход от буквальности – иначе невозможно было бы мыслить о первоначале. Так первопредок мифа преобразуется в первопричину. Помимо направленности к истокам, к происхождению мира спецификой ума античной эпохи является целенаправленность, родовыми узлами связанная с целесообразностью. Как ранней, чувственно-наглядной и образной мысли, так и мысли абстрактной присущ внутренний телеологизм: «Чувственно-наглядное мышление испытывает потребность в объективации психическими вообще и интеллектуальными в особенности средствами определенных целей и идей, имеющих широкое общественное значение» [13, с. 90].

Фигуративность как основа рациональности преобразовала буквальность мифа из сознания рода в философему – самосознание человечества. Осознавая себя через образы, привязанные к фигуре (пирамид, созвездий, математики), интеллект смыслогенетически привязан к фигуративности. Так, красота рождается через фигуру – бога и человека. Буквальное, а затем и метафорическое вхождение из фигуры в образ – в образ человека – важно для смыслорождения глобального масштаба.

Ссылки:

1. Josl J. The end of art and Patočka's philosophy of art // Horizon. Феноменологические исследования. 2016. Т. 5, № 1. С. 232–246.
2. Там же. С. 232.
3. Там же.
4. Щербинин М.Н. Горизонты России: литература, философия и жизнь // Взаимопонимание культур : сб. науч. тр. Вып. 1. Тюмень, 1998. С. 17–24.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М., 1994. 538 с.
6. Там же. С. 33.
7. Щербинин М.Н. Горизонты России ... С. 19.
8. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 2009. 608 с.
9. Асмус В.Ф. Античная философия. М., 2005. 408 с.
10. Лосев А.Ф. От Гомера до Прокла: история античной эстетики в кратком изложении. СПб., 2016. 352 с.
11. Там же.
12. Там же.
13. Щербинин М.Н. История идеализма – от образного мышления к разуму // Философская жизнь Урала. Проблемы истории философии : альманах. Екатеринбург, 1999. С. 85–94.

References:

- Asmus, VF 2005, *Ancient philosophy*, Moscow, 408 p., (in Russian).
- Josl, J 2016, 'The end of art and Patočka's philosophy of art', *Horizon. Studies in Phenomenology*, vol. 5, no. 1, pp. 232-246.
- Laertius, D 2009, *Life, teachings and sayings of famous philosophers*, Moscow, 608 p., (in Russian).
- Losev, AF 1994, *The history of ancient aesthetics. Early classics*, Moscow, 538 p., (in Russian).
- Losev, AF 2016, *From Homer to Proclus: a history of ancient aesthetics in a concise statement*, St.-Petersburg, 352 p., (in Russian).
- Shcherbinin, MN 1998, 'Horizons of Russia: literature, philosophy and life', *Vzaimoponimaniye kul'tur: sb. nauch. tr.*, Issue 1, Tyumen, pp. 17-24, (in Russian).
- Shcherbinin, MN 1999, 'The history of idealism: from figurative thinking to reason', *Filosofskaya zhizn' Urala. Problemy istorii filosofii: al'manakh*, Yekaterinburg, pp. 85-94, (in Russian).